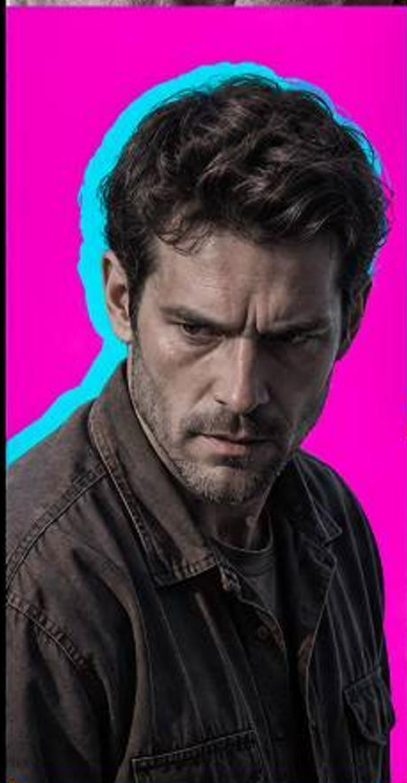

КТО УБИВАЕТ НАШИХ ДЕТЕЙ?

ДЖОНАТАН УИТМОР

18+

Джонатан Уитмор

Кто убивает наших детей?

«Автор»

2026

Уитмор Д.

Кто убивает наших детей? / Д. Уитмор — «Автор», 2026

После стрельбы в школе Миллфилда две семьи оказываются по разные стороны трагедии: одна потеряла дочь, другая — сына, ставшего убийцей. Но цифровой след подростка заставляет родителей задать страшный вопрос: где заканчивается личный выбор и начинается чужое влияние? Психологический триллер о горе, радикализации, медиа и цене ненависти.

© Уитмор Д., 2026

© Автор, 2026

Джонатан Уитмор

Кто убивает наших детей?

Настоящая книга является художественным произведением. Основные персонажи, сюжетные линии, город Миллфилд, школьная трагедия и связанные с ними события являются вымышленными. В произведении также упоминаются реальные исторические события, публичные лица, организации, книги, публикации и иные общедоступные материалы. Их использование носит исключительно художественный, информационный и аналитический характер.

Мнения, обвинения, гипотезы и выводы, высказанные персонажами, отражают их точку зрения в рамках художественного повествования и не должны восприниматься как установленные автором факты. Упоминание реального лица или организации не означает утверждения об их причастности к вымышленным преступлениям или событиям книги, если такая причастность не подтверждена надежными публичными источниками.

Некоторые реальные события и материалы могли быть сокращены, интерпретированы или художественно реконструированы в целях повествования. Книга не предназначена для медицинской, психологической или юридической диагностики и не заменяет профессиональную консультацию. Любое сходство вымышленных персонажей и событий с реальными лицами и обстоятельствами, кроме прямо обозначенных исторических и публичных элементов, является случайным.

Пролог

Красная лампа над массивной дверью студии вспыхнула, отрезая их от остального мира. Линда Харрисон сидела в жестком кресле, глядя на черный объектив центральной камеры, напоминающий дуло винтовки. Справа от нее, на таком же неудобном стуле, замерла Эмма.

Гример в последний раз провел кистью по лицу Эммы, пытаясь скрыть глубокие тени под глазами, и бесшумно растворился в темноте за софитами.

— Тридцать секунд до эфира, — произнес голос в наушнике ведущего, сидящего напротив них. Он перебирал карточки с вопросами, и плотная бумага сухо шелестела в абсолютной тишине студии.

Линда скосила глаза на Эмму. Руки женщины, намертво сцепленные на коленях, дрожали так сильно, что ткань ее черной юбки шла мелкими волнами. Эмма дышала короткими, поверхностными рывками. Это был страх человека, который готовится шагнуть на эшафот. Для всего города, для всей страны, которая сейчас прильнет к экранам, Эмма была матерью монстра. Матерью подростка, который принес смерть в коридоры начальной школы Миллфилда.

Линда протянула руку и накрыла ледяные пальцы Эммы своими. Дрожь на мгновение прекратилась. Эмма подняла взгляд — в нем стояла невыносимая боль, смешанная с благодарностью. Всего несколько месяцев назад Линда с радостью бы сомкнула пальцы на горле этой женщины. Теперь же их связывала невидимая, но прочная нить — общее пепелище, на котором они обе потеряли самое дорогое. — Десять секунд, — скомандовал режиссер из аппаратной.

Ведущий Дэвид Кросс поправил микрофон на лацкане пиджака и посмотрел на женщин. В его глазах читалось профессиональное любопытство и тщательно скрываемое недоверие.

— В эфире, — бросил режиссер.

Дэвид повернулся к камере, его лицо мгновенно приняло выражение скорбной серьезности.

— Добрый вечер. Сегодня в нашей студии две матери. Одна потеряла дочь. Другая — сына, который эту дочь убил. И они пришли сюда вместе, чтобы обвинить в этой трагедии тех, чьих имен нет ни в одном полицейском отчете.

Глава 1. Солнце над Миллфилдом

Красная пластиковая горка покрылась тонким слоем утренней росы, которую еще не успело прогнать утреннее осеннее солнце. Линда Харрисон стояла у края деревянной песочницы, машинально стряхивая влажные листья с бортика. Вокруг кипела жизнь: пятнадцать пятилеток носились по огороженному двору детского сада «Солнечный луч», оглашая окрестности звонким смехом и нечленораздельными криками. Это было совершенно обычное, безмятежное утро вторника в Миллфилде.

Ветерок слегка трепал светлые волосы Линды. Она перевела взгляд на Тоби, шуплого мальчика, который безуспешно пытался справиться с заевшей молнией на своей джинсовой куртке. Подойдя ближе, воспитательница опустила перед ним на корточки.

— Давай помогу, приятель, — мягко произнесла она, перехватывая непослушный металл. Пальцы Линды привычным движением выровняли плотную ткань, и бегунок плавно скользнул вверх до самого воротника. — Вот так. Теперь можешь бежать к остальным.

Тоби кивнул и тут же умчался к качелям, взметая кроссовками древесную щепу. Линда с улыбкой посмотрела ему вслед, медленно распрямляясь. Она часто ловила себя на мысли, что смотрит на этих чужих малышей, а видит свою Клэр. Девочку, ради которой они с Тео прошли через годы отчаяния, бесконечные визиты к врачам, выматывающие гормональные терапии и болезненные процедуры ЭКО. Клэр была их выстрадавшим чудом, живым доказательством того, что Вселенная иногда прислушивается к мольбам. А рождение Кая всего год спустя стало просто невероятным, щедрым подарком судьбы. Теперь их дом всегда был наполнен шумом, разбросанными деталями лего и запахом блинчиков по выходным.

Две девочки у противоположного края площадки начали делить желтое пластиковое ведро. Линда уже собиралась вмешаться, чтобы предотвратить назревающую ссору, когда плотная ткань ее рабочего фартука мелко задрожала.

Телефон вибрировал без остановки. Сначала она подумала, что это очередное автоматическое напоминание из календаря. Обычно во время утренней прогулки любые звонки игнорировались — таковы были строгие правила учреждения, требующие полного внимания к подопечным. Но настойчивая дрожь в кармане не прекращалась. Кто-то звонил, сбрасывал и тут же набирал номер снова, словно от этого зависела чья-то жизнь.

Вытерев испачканные в песке руки о фартук, Линда достала аппарат. На светящемся экране высветилось имя: «Тео».

Брови Линды удивленно поползли вверх. Ее муж, владелец небольшого магазина подержанной электроники на Главной улице, никогда не звонил в это время. Утро было его самыми загруженными часами. Он мог часами сидеть с лупой, выискивая микротрещину на плате, и его терпение казалось безграничным. Тео был человеком методичным, спокойным и глубоко уважающим чужое рабочее пространство. Если он звонил сейчас, нарушая все негласные правила их семьи, значит, случилось нечто экстраординарное. Прорвало трубу в подвале магазина? Кай забыл дома ингалятор?

Она провела большим пальцем по стеклу экрана и прижала трубку к уху.

— Тео? Милый, я на площадке, что-то сроч...

— Линда.

Одно-единственное слово перерезало ее фразу. Голос Тео прозвучал так, словно ему физически не хватало воздуха. Он был неестественно высоким, сорванным, совершенно чужим.

На заднем фоне сквозь динамик прорывалась какофония резких звуков. В магазине мужа всегда работало несколько телевизоров одновременно — он тестировал восстановленные матрицы и кинескопы. Обычно они были настроены на разные каналы, создавая ровный, ненавязчивый фоновый гул. Но сейчас из всех динамиков, сливаясь в один тревожный хор, звучал голос диктора экстренных новостей. Слова разобрать было сложно, но сама интонация новостника, лишенная привычного глянца, била по нервам.

— Тео, что происходит? — Линда инстинктивно отвернулась от играющих детей, понизив голос и прикрыв свободное ухо ладонью.

— Школа, — выдохнул муж. На фоне что-то с тяжелым металлическим грохотом упало, словно он в спешке задел стеллаж с аппаратурой. — Линда, в школе стрельба. Старшая школа... и начальная. Они в одном комплексе.

Земля под ногами Линды качнулась. Яркий солнечный свет внезапно показался ослепительно белым, выжигающим сетчатку глаза.

— Что ты сказал?

— Экстренный выпуск. Везде. По всем каналам одновременно, — Тео задыхался, слова вылетали обрывками. — Говорят про старшеклассника. Он внутри. Линда, наши дети там. Клэр и Кай. Я выезжаю немедленно. Бросай всё, слышишь?

Телефон чуть не выскользнул из ее внезапно вспотевших пальцев. Воздух в легких превратился в раскаленный свинец, обжигая горло при каждом вдохе. Кай был во втором классе. Клэр — в третьем. Их кабинеты находились на первом этаже южного крыла. Там, где на стенах висели неумелые рисунки восковыми мелками, а в коридорах всегда пахло мастикой для пола и яблочным соком.

— Я еду, — только и смогла произнести она.

Связь оборвалась. В трубке повисли частые короткие гудки, смешиваясь с беззаботным визгом детей на площадке.

Секунду Линда стояла неподвижно, глядя на экран погасшего смартфона. Мозг отказывался обрабатывать полученную информацию. «Стрельба. Школа. Клэр и Кай». Эти слова просто не складывались в осмысленное предложение. В Миллфилде не происходило ничего страшнее автомобильной аварии на перекрестке или кражи газонокосилки. Это был их тихий, безопасный, предсказуемый мир.

Резкий крик одной из девочек, у которой все-таки отобрали ведро, вывел Линду из оцепенения.

— Так, все внутрь! — Голос воспитательницы прозвучал громче и резче, чем она ожидала. Дети удивленно замерли, оборачиваясь к ней. — Пчелки, строимся парами! Быстро, быстро, идем в класс! Никаких разговоров!

Малыши неохотно потянулись к стеклянным дверям здания. Линда буквально физически подталкивала их в спины, нарушая все педагогические инструкции и нормы. Ее руки мелко дрожали, когда она пересчитывала светлые и темные макушки. Пятнадцать. Все здесь.

Внутри детского сада было прохладно. На стенах висели яркие плакаты с алфавитом и правилами дорожного движения. Марта, ее сменщица и напарница, сидела за низким детским столиком, старательно вырезая из плотного картона оранжевые кленовые листья для осенней аппликации. Услышав топот множества ног, она подняла голову, поправляя съехавшие на нос очки в толстой роговой оправе.

— Линда? Вы же только вышли. До обеда еще полтора часа...

Линда не слушала. Она подлетела к своему узкому шкафчику в раздевалке, дернула дверцу так, что та с грохотом ударилась о соседнюю. Пальцы путались в тугих завязках фартука. Сорвав его через голову, она бросила ткань прямо на пол, рядом с корзиной для уличных игрушек. Из кармана ее джинсов звякнула тяжелая связка ключей.

— Линда, что происходит? Ты бледная как мел. Тебе плохо?

— Забирай группу, — бросила Линда, хватая со стола раскрытый журнал учета посещаемости и впихивая его в руки растерянной коллеги. Сверху на страницы легли ключи от шкафчиков и запасного выхода.

— Что? Линда, ты куда собралась? У нас по расписанию чтение сказок, потом полдник... Директор будет в ярости, если ты уйдешь без предупреждения!

Линда схватила женщину за плечи, сжав их с такой силой, что та тихо охнула. Глаза Линды были дикими, зрачки расширились, поглотив радужку.

— Марта, послушай меня внимательно. В школе стреляют. Мои дети там. Я уезжаю. Запри все двери. Никого не впускай и не выпускай. Ты меня поняла?

Ножницы со звоном выпали из рук Марты, ударившись о линолеум. Лицо коллеги мгновенно покрылось красными пятнами, рот приоткрылся в немом ужасе.

— Господи... Да. Да, конечно. Беги.

Не дожидаясь больше ни единого слова, Линда развернулась и бросилась к выходу. Стеклопанельная входная дверь с силой хлопнула за ее спиной, едва не выбив стекло из рамы.

Салон её старенькой «Хонды» успел раскалиться на солнце, несмотря на то, что осенняя прохлада уже всюю вытесняла летний теплый воздух. Пластик рулевого колеса обжигал ладони. Линда с трудом попала ключом в замок зажигания, руки тряслись так, словно у нее начался приступ лихорадки. Двигатель натужно взревел. Вывернув руль, она с визгом покрышек вылетела со стоянки детского сада на проезжую часть, подрезав почтовый фургон.

От сада до школьного комплекса было около трех миль. Обычно этот путь занимал семь минут неспешной езды.

Город изменился до неузнаваемости. Тихие улицы Миллфилда, всегда сонные и пустые в это время суток, наполнились воющим, пульсирующим звуком. Сирены карет скорой помощи, полицейских машин и тяжелых пожарных расчетов сливались в единый оглушающий гул, от которого вибрировали стекла в домах. Мимо Линды, нарушая все возможные скоростные лимиты и выехав на встречную полосу, пронеслась патрульная машина с включенными проблесковыми маячками.

Линда вдавила педаль газа в пол. Стрелка спидометра дернулась вправо. Деревья, почтовые ящики и аккуратные фасады домов слились в сплошную смазанную полосу. Она включила радио, инстинктивно ища местную новостную станцию. Из динамиков ударил голос репортера, перекрываемый шумом вертолетных винтов:

«...пока неясно точное количество пострадавших. Свидетели сообщают о многочисленных выстрелах на территории объединенного школьного комплекса Миллфилда. На место стягиваются подразделения тактического реагирования из всех соседних округов. Полиция просит граждан...»

Линда выключила радио резким ударом кулака по панели. Она не могла это слушать. В голове стучала только одна пульсирующая мысль, ритмичная, как удары метронома: «Только бы успеть. Только бы они были живы».

За два квартала до школы движение остановилось полностью. Дорога была намертво забита машинами. Кто-то из родителей, услышав новости, бросил свои автомобили прямо посреди проезжей части, распахнув двери. Яркая желтая лента с черной надписью «ПОЛИЦИЯ — НЕ ПЕРЕСЕКАТЬ» уже была натянута между фонарными столбами, перекрывая въезд на Оук-стрит.

Дальше ехать было физически невозможно.

Линда ударила по тормозам, перевела рычаг коробки передач в положение парковки и выскочила из машины.

Она побежала.

Асфальт казался мягким от жары. Каждый шаг отдавался тупой болью в коленях. Удобные рабочие туфли на плоской подошве совершенно не были предназначены для спринта, но она не чувствовала усталости. Воздух с хрипом вырывался из легких. Мимо бежали другие люди. Мужчина в форме курьера бросил свою тележку прямо на газон и мчался к школе. Над головой с тяжелым рокотом пронесся еще один новостной вертолет. Его тень на секунду накрыла бегущих людей, как крыло гигантской хищной птицы.

Чем ближе Линда подбегала к зданию школы, тем плотнее становилась толпа. Звуки сливались в сплошной хаос: плач, истеричные крики, треск полицейских раций, непрекращающийся вой сирен прибывающих реанимобилей.

Кирпичное здание школы, всегда казавшееся Линде символом надежности, безопасности и знаний, теперь выглядело как осажденная крепость. Окна первого этажа зияли темными провалами. У главного входа толпились люди в тяжелой тактической экипировке.

Полицейское оцепление представляло собой живую стену из патрульных машин, выставленных поперек улицы, и десятков офицеров в форме, сдерживающих особо напористых родителей. Кто-то молился вслух, стоя на коленях прямо на грязной проезжей части.

Линда буквально врзалась в эту толпу. — Тео! — закричала она, пытаясь перекрыть стоящий вокруг гвалт. Голос сорвался на хрип. — Тео!

Она отчаянно крутила головой, выхватывая из толпы лица. Заплаканная женщина, прижимающая к груди пустой детский рюкзак с человеком-пауком. Мужчина, пытающийся что-то объяснить, держа у рта мобильный телефон. Полицейский, успокаивающий кого-то у капота машины.

Взгляд Линды скользнул ниже, к массивному бамперу тяжелого полицейского внедорожника с включенными синими и красными мигалками, чьи отблески безжалостно били по глазам.

Там сидел Тео.

Он опустился на корточки прямо на пыльный, усыпанный гравием асфальт, прислонившись спиной к хромированной решетке радиатора. Его фланелевая рубашка в клетку, которую Линда сама тщательно гладила сегодня утром, была измята и перепачкана темным машинным маслом — видимо, он не успел даже вымыть руки перед тем, как выскочить из мастерской.

Но главное было не это. Обеими руками Тео крепко, до побелевших костяшек, прижимал к своей груди Кая.

Мальчик был жив.

Облегчение было настолько острым, что причинило Линде физическую боль в груди. Колени подогнулись. Она рванулась к ним, проскользнув между двумя плотно стоящими мужчинами, и рухнула на асфальт рядом с мужем, обдирая кожу.

— Кай! Господи, Кай!

Она обхватила сына, вжимаясь лицом в его светлую макушку. Его маленькое тело билась крупная, непрекращающаяся дрожь. Он вцепился в воротник отцовской рубашки так сильно, что нитки затрещали.

Тео медленно поднял на жену глаза. Лицо мужа посерело, щеки ввалились, словно он постарел на десять лет за эти долгие тридцать минут.

— Он выбежал одним из первых, — хрипло произнес Тео, машинально глядя дрожащую спину сына. Рука мужчины ходила ходуном.

Линда отстранилась ровно настолько, чтобы заглянуть в лицо Каю. По неестественно бледным щекам мальчика катились слезы, оставляя грязные дорожки. Глаза были широко распахнуты и смотрели куда-то сквозь мать, в пустоту.

— Мамочка... — Голос Кая дрожал, зубы выстукивали мелкую дробь, хотя на улице стоял жара. — Там были громкие хлопки. Как петарды. Очень громкие. Мы рисовали индейцев, а потом... мистер Дэвис, учитель физкультуры, он забежал в класс. Его лицо было красным. Он кричал, чтобы мы бросили всё и лезли под парты. А потом большое стекло в коридоре разбилось.

Мальчик судорожно всхлипнул, его глаза наполнились новыми слезами.

— Мистер Дэвис открыл заднюю дверь, прямо возле спортзала. Он велел нам бежать по траве к забору и не оглядываться. Я бежал, мамочка. Я очень быстро бежал. Я потерял свой пенал с динозаврами.

— Плевать на пенал, милый, плевать на всё, — Линда исступленно покрывала поцелуями его грязное лицо, холодные руки, спутанные волосы. — Ты в безопасности. Мама здесь. Папа здесь. Всё хорошо.

Она прижимала к себе теплое, дрожащее тело сына, и в этот самый момент осознание ударило ее под дых с такой силой, что перехватило дыхание. Мир вокруг на секунду замер.

Она отпустила Кая и резко повернулась к Тео.

— Где Клэр?

Тео молчал. Его кадык дернулся. Он медленно, словно преодолевая огромное сопротивление, покачал головой.

— Я не знаю, Линда. Я приехал, прорвался сюда, а Кай уже стоял здесь, у машины скорой помощи. Я спрашивал его, но он ничего не видел. Их классы в разных концах длинного коридора.

Паника, на мгновение отступившая при виде спасенного младшего ребенка, вернулась с удвоенной силой, обжигая внутренности кислотой. Линда рывком вскочила на ноги.

В нескольких метрах от них стоял высокий, грузный офицер полиции. Его лицо напоминало высеченную из серого гранита скульптуру, не выражающую ни единой эмоции. Он стоял, широко расставив ноги, скрестив руки на груди поверх кевларового бронежилета, и являл собой непреодолимую преграду между родителями и зданием школы.

Линда бросилась к нему. Тео вскочил следом, придерживая Кая за хрупкое плечо.

— Офицер! — Линда схватилась за натянутую желтую ленту, едва не порвав ее. Пластик больно впился в ладони. — Моя дочь там! Клэр Харрисон, третий класс! Пустите меня туда!

Полицейский даже не моргнул. Его взгляд, холодный и профессионально отстраненный, скользнул по бледному лицу Линды.

— Мэм, отойдите за линию, — произнес он ровным, заученным тоном. Этот голос был лишен человеческих обертонов; так говорили люди, чья работа заключалась в том, чтобы удерживать хаос в рамках строгого протокола.

— Вы не понимаете! — Тео выступил вперед, заслоняя жену своим телом. Его голос сорвался на отчаянный крик. — Наша девочка внутри! Ей девять лет! Вы должны сказать нам, где она! Вывели ли третий класс из южного крыла?!

Мужчина шагнул вплотную к ленте. Мышцы на его шее напряглись и вздулись. В любой другой ситуации Линда бы до смерти испугалась этой внезапной агрессии в всегда миролюбивом муже, но сейчас она чувствовала ту же самую всепоглощающую ярость.

Офицер медленно положил тяжелую ладонь на черную кобуру. Жест был предупреждающим, инстинктивным, выработанным годами тренировок на полигоне.

— Сэр. Мэм. Я прекрасно понимаю ваше состояние, — методично, как заведенная кукла, повторил полицейский. — Здание полностью оцеплено. Внутри работает спецназ. Идет эвакуация пострадавших. Никто из гражданских лиц не будет пропущен за периметр до полного обеспечения безопасности. Пожалуйста, сохраняйте спокойствие и ждите указаний старшего офицера.

— Сохранять спокойствие?! — не своим голосом взвизгнула Линда. — Там стреляют в наших детей!

Она попыталась поднырнуть под желтую пластиковую ленту. Офицер сделал быстрый шаг вперед, выставляя руку в черной перчатке и физически отталкивая Линду назад. Удар пришелся в плечо, жесткий и бескомпромиссный. Тео тут же перехватил жену, не давая ей упасть на асфальт.

— Не трогайте ее! — прорычал Тео, прижимая Линду к себе.

— Отойдите за линию немедленно, сэр, или я буду вынужден применить силу и задержать вас за воспрепятствование, — так же бесстрастно ответил коп, не сводя с них тяжелого взгляда.

Линда прижалась к груди мужа. Ее колотило крупной дрожью. Из здания школы, расположенного всего в сотне ярдов от них, не доносилось ни единого звука. Широкие стеклянные двери центрального входа были распахнуты настежь, образуя черную, зияющую пасть. Из этой пасти периодически выбегали бойцы в тяжелой броне, с штурмовыми винтовками наперевес, но ни одного ребенка больше не появлялось.

На широких бетонных ступенях школы лежали брошенные в панике вещи: рюкзаки, яркие куртки, чья-то сменная обувь. Цветные пятна детской одежды на сером фоне выглядели жутко, напоминая следы страшного кораблекрушения.

Возле машин скорой помощи, выстроившихся в ряд на газоне, парамедики молча разворачивали оранжевые брезентовые носилки. Их движения были пугающе резкими, отточенными и быстрыми. Они готовились к худшему сценарию.

Кай тихо плакал, уткнувшись мокрым лицом в бедро Тео. Линда смотрела на темные окна школы, не в силах отвести взгляд. Солнце Миллфилда продолжало безмятежно светить с абсолютно ясного, безоблачного неба, заливая безразличным золотым светом кирпичные стены, зеленые подстриженные газоны и натянутую желтую ленту. Этот свет казался злой насмешкой, жестокой ошибкой природы, которая даже не заметила, как рухнул их маленький мир.

Она вглядывалась в черные провалы окон второго этажа, где традиционно располагались классы старшей школы. Именно оттуда, по словам диктора в магазине Тео, началась эта бойня. Как вооруженный старшеклассник мог беспрепятственно спуститься в начальное крыло? Почему никто из охраны его не остановил?

Линда вцепилась побелевшими пальцами в измятую ткань рубашки мужа, не отрывая взгляда от центрального входа. Тишина, повисшая над оцеплением сквозь непрекращающийся вой сирен, становилась физически невыносимой, давящей на барабанные перепонки.

Где-то там, за этими темными бликующими стеклами, находилась Клэр.

Тео крепко обнял жену за плечи, прижимая к себе. Его сердце колотилось о ее щеку тяжелыми, неровными ударами загнанного зверя. Они стояли у желтой пластиковой черты, безжалостно отделявшей мир живых от полной неизвестности, и ждали. Минуты текли, превращаясь в вечность, но из распахнутых дверей больше никто не выходил.

Глава 2. Тишина перед церковью

Резкий, царапающий барабанные перепонки визг микрофона прорезался сквозь гул толпы. Полицейский, стоявший во весь рост на капоте патрульной машины, поморщился от звукового удара, опустил ручной рупор и снова поднес его к губам.

— Внимание всем родителям! — Его голос, искаженный динамиком, эхом отлетал от кирпичных стен оцепленной школы. — Периметр остается закрытым. Эвакуация учеников проводится через запасные выходы. Временный пункт сбора организован в здании Первой методистской церкви на пересечении Четвертой и Вязовой улиц. Повторяю, всем проследовать к методистской церкви. Школьные автобусы доставят эвакуированных детей туда.

Толпа дрогнула. Единый, неразборчивый стон, сотканный из облегчения и нового приступа паники, прокатился по улице. Люди начали разворачиваться, образуя хаотичный поток, устремившийся прочь от желтых заградительных лент.

Тео крепче перехватил ладонь Кая. Мальчик брел рядом с отцом, запинаясь на ровном асфальте, словно его ноги внезапно потеряли чувствительность. Линда шла с другой стороны, механически переставляя ступни. Ее взгляд был прикован к затылкам и спинам впереди идущих людей, одетых в осенние куртки и рабочие свитера.

Путь до церкви занимал не больше десяти минут быстрым шагом, но сейчас это расстояние казалось бесконечным. Улица превратилась в русло реки, по которому текли отчаяние и надежда. Кто-то на ходу пытался дозвониться родным, кто-то плакал в голос, не обращая внимания на прохожих.

Линда никогда не считала себя верующей. Религия в их семье ограничивалась рождественскими ужинами у родителей Тео и формальным обменом подарками. Церковные своды ассоциировались у нее лишь с чужими свадьбами, где пахло дорогим парфюмом и плавившимся воском. Но сейчас, переступая через трещины в тротуаре, она поняла, что в ее голове звучит непрерывный, исступленный шепот.

Она обращалась к Тому, кого игнорировала всю свою сознательную жизнь.

«Пожалуйста. Пусть она будет в одном из этих автобусов. Пусть она просто будет дышать».

Память, словно пытаясь защитить рассудок от ужаса настоящего момента, подбрасывала картинки из прошлого. Долгие, мучительные годы до рождения Клэр. Линда вспомнила холодный гель на животе во время бесчисленных УЗИ, стерильную белизну клиник репродуктивной медицины, стопки неоплаченных счетов на кухонном столе. Они с Тео прошли через настоящий ад, пытаясь зачать ребенка. Каждый месяц заканчивался слезами в запертой ванной, пока муж сидел под дверью, не зная, какие слова утешения еще можно произнести.

Процедура ЭКО стала их последним шансом, финансовой и эмоциональной пропастью, в которую они шагнули, крепко держась за руки. Линда помнила тот день, когда врач сдержанно улыбнулся и кивнул. Она помнила, как впервые услышала быстрое, птичье сердцебиение на мониторе аппарата. Клэр не просто появилась на свет — она была вырвана у судьбы силой их общего желания, выстрадана каждой клеткой.

«Я никогда ничего больше не попрошу, — мысленно торговалась Линда, глядя на высокий шпиль церкви, показавшийся из-за крон старых дубов. — Забери дом. Забери магазин. Забери всё. Только оставь ее. Она досталась нам слишком тяжело, чтобы уйти вот так».

Массивное здание Первой методистской церкви возвышалось над небольшой площадью, вымощенной серой брусчаткой. Деревянные белые двери были распахнуты настежь. На верхних ступенях стоял пожилой пастор в темном костюме, растерянно теребя край своего воротника. Он пытался что-то говорить подходящим людям, предлагая пройти внутрь, но его слова тонули в общем шуме.

Толпа родителей заполнила площадь, перетекая на проезжую часть. Все взгляды были устремлены на дорогу, ведущую со стороны школьного кампуса.

Ожидание превратилось в физическую пытку. Каждая минута растягивалась, деформировалась, теряя привычные границы. Тео обнимал Кая за плечи, мальчик уткнулся лицом в плотную вельветовую куртку отца и замер, стараясь стать невидимым.

Вдалеке послышался натужный рев тяжелых дизельных двигателей.

Разговоры на площади мгновенно стихли. Наступила неестественная, звенящая тишина, в которой был слышен только нарастающий гул моторов. Из-за поворота выехал первый желтый школьный автобус, за ним второй, затем третий. Их громоздкие квадратные корпуса раскачивались на неровностях дороги. Толпа качнулась вперед единым организмом. Автобусы остановились вдоль тротуара. Пневматические тормоза издали громкий, шипящий выдох. Створки передних дверей со скрипом сложились гармошкой внутрь салонов.

Первым на брусчатку выскочил растрепанный подросток в клетчатой рубашке. За ним хлынул поток детей. Испуганные, заплаканные, некоторые без верхней одежды, сжимающие в руках рюкзаки или просто сцепившие пальцы в замок.

Площадь взорвалась криками.

Имена взлетали в холодный воздух, сталкиваясь друг с другом. Родители прорывались к своим детям и хватали их на руки. Воздух наполнился густым чувством абсолютного, чистого, всепоглощающего счастья.

Линда встала на цыпочки, вытягивая шею до боли в позвонках. Ее глаза лихорадочно сканировали выходящих. Светлые волосы. Синяя куртка. Знакомая походка.

— Ты видишь ее? — хрипло спросил Тео, не отпуская Кая.

— Пока нет. Там еще слишком много людей. Смотри на второй автобус.

Дети продолжали выходить. Они находили своих родителей, и семьи, крепко обнявшись, начинали медленно отходить в сторону, освобождая место для других. Третий автобус опустел. Водитель, грузный мужчина с серым от пережитого стресса лицом, спустился по ступеням и отрицательно покачал головой подошедшему полицейскому.

— Должны быть еще, — вслух произнесла Линда, делая произвольный шаг вперед. — Здание огромное. Это не все.

Из-за угла показалась еще одна колонна желтых машин. Надежда, едва не угасшая, вспыхнула с новой обжигающей силой. Линда почувствовала, как Тео подошел вплотную и положил руку ей на поясницу. Его широкая ладонь была горячей и тяжелой, якорем удерживая ее на земле.

Снова шипение тормозов. Снова открывающиеся двери.

Новая волна подростков хлынула на площадь перед церковью. Линда вглядывалась в каждое лицо, пока глаза не начали слезиться от напряжения и холодного ветра. Мимо проходили знакомые Клэр — девочки из команды по черлидингу, мальчики из театрального кружка. Они бросались в объятия своих близких, плакали, что-то сбивчиво и быстро рассказывали, размахивая руками.

Поток выходящих становился все тоньше. Ступени четвертого автобуса опустели. Пятый высадил всего десяток человек. Шестой автобус оказался последним.

Двери закрылись. Водители один за другим заглушили моторы.

Толпа на площади редела. Счастливые семьи уходили, поддерживая своих детей, торопясь увести их подальше от этого кошмара, спрятать за надежными стенами своих домов. Шум стихал, уступая место осеннему сквозняку, который гнал по брусчатке брошенные в спешке бумажные стаканчики из-под кофе.

Линда стояла неподвижно. Ее руки безвольно опустились вдоль туловища.

Площадь перед методистской церковью опустела. Только несколько семейных пар остались топтаться у металлических заграждений, вглядываясь в пустую подъездную дорогу. Среди них были Харрисоны.

Тео, Линда и Кай стояли втроем у самого основания каменных ступеней, ведущих к дверям храма. Пастор давно ушел внутрь, уводя за собой нескольких человек, которым требовалась вода и помощь медиков.

Тишина, опустившаяся на площадь, была тяжелой, почти осязаемой. В ней больше не было места для надежды, только растущий, заполняющий все внутренности ледяной вакуум.

Кай неуверенно переступил с ноги на ногу.

— Папа... — тихо позвал он, дернув отца за рукав. — А где Клэр?

Тео не ответил. Он смотрел на пустые желтые автобусы остановившимся, стеклянным взглядом. Лицевые мышцы мужа напряглись так сильно, что под кожей отчетливо проступили острые углы челюсти.

К площади медленно, без включенных сирен, подъехал полицейский седан. Из него вышел офицер с черным пластиковым планшетом в руках. Рядом с ним шел человек в штатском, на поясе которого блестел значок детектива. Они остановились перед оставшейся горсткой родителей, сохраняя безопасную дистанцию.

Офицер поднял небольшой ручной громкоговоритель.

— Внимание. — Его голос звучал иначе, чем у того полицейского возле школы. В нем не было командных нот, только глухая, профессиональная усталость человека, выполняющего самую страшную часть своей работы. — Эвакуация из здания школы полностью завершена. Все ученики, которые могли передвигаться самостоятельно, доставлены на этот пункт сбора.

Линда почувствовала, как серая брусчатка под ногами слегка накренилась.

— Часть детей, получивших тяжелые ранения, была экстренно транспортирована в окружную больницу Миллфилда. У нас есть предварительный список фамилий тех, кто был госпитализирован. Я зачитаю его сейчас. Родителям названных детей необходимо немедленно проследовать в приемный покой.

Офицер опустил громкоговоритель на уровень груди и посмотрел в распечатку на планшете.

Слова начали падать в тишину площади, как тяжелые камни в глубокий колодезь.

— Миллер.

Женщина справа от Линды издала сдавленный, булькающий звук и неровным шагом бросилась к своей машине.

— Гарсия. Стивенсон.

Двое мужчин сорвались с места одновременно, не говоря ни слова.

— Харрисон.

Звук собственной фамилии ударил Линду наотмашь, выбивая воздух из легких. Дыхание перехватило, грудная клетка отказалась расширяться. Мир сузился до этого короткого слова, произнесенного чужим, казенным голосом.

Тео резко выдохнул, словно получил удар под дых. Он подхватил Кая на руки, несмотря на то, что мальчик был уже слишком взрослым и тяжелым для этого, и резко повернулся к жене.

— В машину. Быстро.

Дорога до окружной больницы стерлась из памяти Линды. Она не помнила, как они бежали к оставленному на Оук-авеню старому универсалу, как Тео вел машину, как они бросили автомобиль прямо у стеклянных дверей отделения неотложной помощи.

Приемный покой встретил их ослепительно ярким светом люминесцентных. Здесь царил контролируемый, методичный хаос. Врачи в синих и зеленых хирургических костюмах быстро перемещались между каталками, медсестры выкрикивали показатели артериального давления, где-то в глубине коридора непрерывно пищал кардиомонитор.

Дежурная медсестра за стойкой регистрации, женщина с глубокими поперечными морщинами на лбу, посмотрела на подбежавших родителей уставшими, покрасневшими глазами.

— Фамилия? — коротко спросила она, занося пальцы над клавиатурой.

— Харрисон, — голос Тео сорвался на сухой хрип. — Наша дочь, Клэр Харрисон. Нам сказали на площади, что она здесь.

Пальцы женщины быстро застучали по клавишам. Она посмотрела на монитор, затем снова перевела взгляд на них. В ее глазах появилось что-то такое, от чего у Линды мгновенно похолодело в животе. Профессиональная отстраненность сменилась тяжелым, беспомощным сочувствием.

— Операционная номер три. Второй этаж. Там есть зона ожидания для родственников. Дежурный хирург выйдет к вам, как только сможет.

Они поднялись по лестнице на второй этаж. Коридор хирургического отделения был пуст и тих, разительно контрастируя с кровавой суетой внизу. Вдоль бледно-зеленых стен стояли ряды жестких пластиковых стульев, соединенных металлической балкой.

Линда опустилась на одно из сидений. Колени больше не держали ее вес. Кай сел рядом, плотно прижавшись к материнскому боку. Мальчик был совершенно измотан физически и эмоционально, его глаза покраснели, а веки тяжело опускались. Линда механически гладила его по взлохмаченным волосам, глядя прямо перед собой на массивные двустворчатые двери с красной надписью «ОПЕРАЦИОННАЯ. ПОСТОРОННИМ ВХОД ВОСПРЕЩЕН».

Тео не мог заставить себя сесть. Он безостановочно ходил вдоль выкрашенной стены. Пять шагов до высокого окна, резкий разворот на каблуках, пять шагов до автомата с газировкой, снова разворот. Его рабочие ботинки ритмично поскрипывали по натертому мастикой линолеуму. Каждые несколько минут он поднимал правую руку и с силой тер заднюю поверх-

ность шеи, словно пытался размять сведенную судорогой мышцу. Кожа там уже покраснела от постоянного, нервного трения.

Время потеряло всякий смысл. Настенные часы с круглым белым циферблатом отсчитывали секунды с громким, равномерным пластиковым щелканьем. Линда неотрывно смотрела на красную секундную стрелку, пытаясь загипнотизировать саму себя, отключить сознание, не думать о том, что именно происходит за этими закрытыми створками.

«Она сильная. Моя девочка сильная. Она справится».

Щелк. Щелк. Щелк.

Внезапно красная лампа над дверями операционной погасла.

Тео замер на месте, оборвав свой маршрут на середине шага. Линда перестала гладить Кая по голове, ее рука застыла в воздухе.

Створки медленно разошлись в стороны. В коридор вышел человек в помятом зеленом хирургическом костюме. На его груди и животе отчетливо виднелись темные, влажные пятна. Врач был немолод, с глубокими залысинами и сутулыми плечами, которые сейчас казались опущенными под невероятной, неподъемной тяжестью.

Он сделал несколько медленных шагов по коридору и остановился в трех метрах от них.

В больничной тишине было слышно только ровное гудение люминесцентных ламп на потолке.

Хирург поднял руки в прозрачных, испачканных перчатках и стянул с лица медицинскую маску, оставляя ее болтаться на завязках. Резинки оставили глубокие красные борозды на его щеках. Он не смотрел родителям в глаза. Его потухший взгляд был устремлен куда-то в район плинтуса, на серый стык линолеума между его собственными медицинскими сабо.

Этот жест — опущенные в пол глаза, медленное стягивание маски, тяжелый, прерывистый выдох — сказал Линде всё.

За секунду до того, как уставший врач открыл рот, мир Линды Харрисон дал трещину и беззвучно разлетелся на миллионы острых осколков. Надежда, которую она бережно несла от самой школы, вымаливала у Бога на площади перед церковью и за которую отчаянно цеплялась в этом стерильном коридоре, мгновенно обратилась в серый пепел.

Она всё поняла раньше, чем Тео успел сделать шаг навстречу хирургу. Раньше, чем Кай сонно поднял голову с ее плеча.

— Мистер и миссис Харрисон? — голос врача был тихим, почти надломленным. Он наконец поднял глаза, и в них стояла та самая окончательная, беспощадная пустота. — Мне очень жаль. Мы сделали всё, что было в наших силах. Команда боролась до последнего. Но пулевое ранение... оно задело жизненно важные органы и магистральные сосуды. Ранение было несовместимо с жизнью. Ваша дочь скончалась на операционном столе.

Слова повисли в холодном воздухе, навсегда смешиваясь с запахом больничной хлорки.

Тео издал звук, похожий на хрип раненого животного, звук, который Линда никогда раньше не слышала. Муж осел на пол прямо там, где стоял, закрыв лицо большими, дрожащими руками.

Линда продолжала сидеть на жестком пластиковом стуле. Она не кричала. Она не плакала. Ледяной вакуум, зародившийся на площади перед церковью, окончательно поглотил ее, выморозив все чувства, остановив время и оставив внутри только звенящую, оглушительную тишину.

Глава 3. Механика горя

Крышка пластикового контейнера поддалась с влажным, чавкающим звуком. Густой запах прокисшего сливочного соуса и чеснока ударил в нос, заставив Линду инстинктивно отшатнуться от кухонного стола. Внутри прямоугольной формы покоилась наполовину съеденная мясная лазанья — некогда заботливое подношение от кого-то из соседей.

Столешницы, широкий подоконник и даже часть кухонного островка были плотно заставлены подобной посудой. Кастрюли из нержавеющей стали, обернутые блестящей фольгой керамические тарелки, высокие стопки картонных коробок из местной пекарни. Весь Миллфилд, казалось, пытался выразить свое коллективное сочувствие через углеводы, густые подливы и запеченное мясо. Еда прибывала непрерывным потоком с того самого дня, как они вернулись из больницы без дочери.

Желтый бумажный стикер на крышке гласил: «С молитвами о вашей семье. Сара и Том из дома напротив».

Пальцы Линды методично соскребли испорченное блюдо в плотный черный пакет для мусора. Тяжелая, остывшая масса шлепнулась на дно с глухим стуком. Следующей на очереди стояла огромная стеклянная миска с картофельным салатом, края которого уже покрылись подсохшей желтоватой коркой.

С момента похорон прошло двое суток. Черное шерстяное платье висело в спальне, убранный в самый дальний угол шкафа, но атмосфера траурного зала намертво въелась в стены их дома. Воздух казался неестественно плотным, тяжелым, словно пропитанным невидимым формалином. Никто из них не мог заставить себя проглотить ни куска с того страшного вторника. Пища казалась пеплом на языке.

Тихие шаги по дубовому паркету прервали монотонный процесс утилизации.

В дверном проеме кухни возник Кай. На мальчике была надета растянутая серая футболка с логотипом бейсбольной команды, а ноги в толстых шерстяных носках казались тонкими. Ребенок смотрел на длинный ряд пустых контейнеров, ожидающих мытья в раковине, затем перевел взгляд на мать.

— Ты все выбрасываешь, — констатировал он надтреснутым, лишенным детских интонаций голосом.

— Оно испортилось, милый. — Линда бросила влажную губку на край металлической мойки и вытерла руки вафельным полотенцем. — Мы физически не успеваем столько съесть. Ни одна семья бы не успела.

Сын сделал несколько неуверенных шагов вперед и остановился у края кухонного островка. Его пальцы начали нервно тереть выступающий край деревянной столешницы. Под глазами мальчика залегли глубокие, болезненные тени — очевидный след постоянного внутреннего напряжения.

— Папа запер ее дверь, — произнес Кай.

Фраза прозвучала абсолютно ровно, но в этой ровности скрывалась натянутая до предела струна. Комната Клэр находилась на втором этаже, прямо напротив детской Кая.

Внутри Линды что-то мучительно сжалось.

— Папа сделал это, потому что нам всем сейчас очень больно туда смотреть, — она опустилась на колени прямо на жесткий кафельный пол, чтобы оказаться на одном уровне с сыном. — Там лежат ее вещи. Книги, которые она не дочитала. Это слишком тяжело видеть каждый день.

— А где она сейчас? На самом деле? — Кай не отводил взгляда. Его темные глаза требовали честного ответа, без сказок про пушистые облака и поющих ангелов, которыми его настойчиво пичкали дальние родственники на кладбище. — Мистер Хендерсон сказал, что она улетела на небеса. Бабушка говорила, что она просто уснула вечным сном. Но я же видел тот длинный ящик. Его опустили глубоко в землю и засыпали землей.

Слова давались Линде с невероятным трудом. Горло перехватило жестким спазмом, но она заставила себя сделать медленный вдох, подавляя подкатывающую истерику.

— То, что мы опустили в землю... это только тело, Кай. Как пустая оболочка, которая ей больше не нужна.

— Как высохший кокон от гусеницы?

— Да. Именно так. — Женщина протянула руки и притянула мальчика к себе. Его худенькие плечи на секунду напряглись, но затем он бессильно уткнулся лбом в ее ключицу. — Нашей Клэр больше нет в этом мире. Она никогда не вернется в свою комнату. Она не сядет с нами завтракать за этот стол. Но она навсегда осталась в нашей памяти и в наших сердцах.

— Мне страшно засыпать одному, — прошептал Кай ей в шею, цепляясь тонкими пальцами за ткань ее домашней кофты. — Каждый раз, когда я закрываю глаза, я снова слышу те громкие хлопки в коридоре. И крики девочек.

— Я знаю, сынок.

Линда крепко обняла единственного оставшегося у нее ребенка, чувствуя быстрое, неровное биение его маленького сердца. Ради этого ритмичного стука ей нужно было продолжать дышать. Ради него она обязана была удержать этот рассыпающийся на куски дом от окончательного краха.

Ночи приносили в жилище Харрисонов совершенно иную реальность.

Около двух часов пополудни Линда лежала в холодной постели, бездумно глядя в темный потолок спальни. Половина матраса со стороны Тео была абсолютно пуста. Одеяло там даже не смялось.

Снизу, со стороны пристроенного к дому кирпичного гаража, донесся глухой, тяжелый удар. Затем еще один, более резкий.

Раньше это просторное помещение служило мужу любимой мастерской. Тео обожал восстанавливать старую, списанную в утиль технику. Он мог долгими часами сидеть под светом круглой настольной лампы с паяльником в руках, бережно возвращая к жизни винтажные радиоприемники или сломанные кассетные плееры. Это кропотливое занятие требовало невероятного терпения, ювелирной точности и глубокого внутреннего спокойствия.

Раздался пронзительный звон бьющегося стекла, за которым последовал отвратительный скрежет металла по бетонному полу.

Линда сбросила теплое одеяло и босиком вышла в темный коридор. Деревянные половицы неприятно холодили ступни. Спустившись по лестнице на первый этаж, она подошла к плотной двери, ведущей в гараж, и прижалась к ней ухом.

За тонкой преградой тяжело, с хриплым присвистом дышал человек. Снова раздался удар — на этот раз чем-то массивным, похожим на кувалду или большой гаечный ключ, по железной поверхности верстака. Сила удара оказалась такой, что дверное полотно слегка завибрировало, отдавшись дрожью в щеку Линды.

Муж больше не чинил сломанные вещи. Он методично их уничтожал.

Ладонь женщины легла на холодную латунную ручку, но так и не повернула ее. Вторгаться в это пространство сейчас казалось физически опасным. Невыносимое горе Тео искало выход, трансформируясь в чистую кинетическую энергию слепого разрушения. Если она откроет дверь, то рискует оказаться на пути этого сметающего всё потока. Линда медленно убрала руку от металла и вернулась в пустую, выстуженную спальню, оставив мужа наедине с его грохочущими демонами.

Утро среды выдалось на редкость пасмурным. Низкое серое небо плотно затянуло горизонт, не пропуская ни единого луча солнца в окна кухни.

Тео сидел за обеденным столом, обхватив обеими руками большую кружку с давно остывшим черным кофе. Его внешний вид вызывал тревогу. Привычная аккуратная щетина превратилась в жесткую, неопрятную бороду с проседью. Под ввалившимися глазами налились темные, почти лиловые мешки. Костяшки на правой руке были сбиты в кровь и небрежно заматаны синей изолентой — единственным перевязочным материалом, который нашелся среди инструментов в гараже.

Линда молча поставила перед ним тарелку с яичницей и поджаренным тостом.

— Тебе нужно попытаться поесть.

Мужчина даже не опустил взгляд на еду. Его внимание было приковано к естественному узору на деревянной столешнице, словно он пытался прожечь в древесине сквозную дыру.

— Они сейчас сидят в своем доме, — хрипло произнес Тео. Голос звучал так, будто он сорвал связки долгим криком. — Сидят в тепле. Наверняка тоже пьют утренний кофе. И спокойно дышат воздухом.

Линда замерла у плиты с кофейником в руках.

— Кто?

— Родители этого ублюдка. — Лицо Тео внезапно исказилось, мышцы челюсти напряглись до предела, превратив профиль в рубленую маску ярости. — Семья стрелка. Я вчера полночи читал новости в интернете. У них благоустроенный дом на хорошей улице. Ухоженный газон. Собака во дворе.

— Тео, пожалуйста, не надо... — Линда поспешно поставила кофейник на конфорку. Любые разговоры о человеке, нажавшем на курок, мгновенно вызывали у нее приступы тошноты.

— Нет, ты послушай меня! — Он резко ударил здоровой ладонью по столу, заставив фарфоровую тарелку жалобно подпрыгнуть. Темная жидкость выплеснулась из кружки, оставляя грязное пятно на скатерти. — Они вырастили настоящего уродца. Сами взрастили, под собственной крышей. Кормили его каждый день, покупали ему одежду, оплачивали счета за интернет. Они просто не могли не видеть, что за тварь растет в соседней комнате!

Его дыхание заметно участилось, широкая грудная клетка тяжело вздымалась под мятой фланелевой рубашкой.

— Такие люди, они соучастники. Точно такие же убийцы, как их свихнувшийся выродец. Разница лишь в том, что они сами не нажимали на курок в классе истории.

Всегда миролюбивый, мягкий человек, который аккуратно vyhаживал найденных на улице птиц со сломанными крыльями и никогда не повышал голос на детей, сейчас источал концентрированную злобу.

— Их нужно просто отстреливать, — процедил Тео сквозь плотно сжатые зубы. Его перебинтованные пальцы с хрустом сжались в кулак. — Ставить к бетонной стенке и пускать пулю в лоб. Пока они не наплодили новых убийц. Это единственный надежный способ очистить землю от подобной мрази.

Ужас сковал горло Линды. Проблема заключалась не в самих радикальных словах — в социальных сетях сейчас тысячи людей писали подобные чудовищные вещи в комментариях. Ужасало то, с какой непоколебимой убежденностью это произносил отец ее детей.

Она открыла рот, чтобы резко возразить, но краем глаза уловила движение в полумраке.

В коридоре, у приоткрытой двери, ведущей из гостиной, неподвижно стоял Кай. Мальчик судорожно прижимал к груди старого плюшевого медведя. Его глаза были неестественно широко распахнуты, а губы превратились в тонкую белую линию. Ребенок слышал каждое произнесенное слово. Каждую пропитанную жгучей ненавистью фразу своего отца.

— Замолчи, — жестко, как удар хлыста, бросила Линда.

Тео растерянно моргнул, словно выныривая из глубокого транса, и непонимающе уставился на жену.

— Что?

— Я сказала, замолчи немедленно. — Женщина вытянула дрожащую руку, указывая в сторону темного коридора. — Просто посмотри туда.

Мужчина медленно повернул голову. Увидев застывшего сына, он стремительно побледнел. Слепая ярость на его лице мгновенно сменилась полным непониманием, а затем — глубоким, разрушительным стыдом. Тео низко опустил голову и закрыл лицо искалеченными ладонями.

Кай попятился назад, развернулся и бесшумно скрылся в глубине дома.

— Господи... — глухо простонал Тео сквозь сцепленные пальцы. — Что я вообще несу? Что я делаю?

— Ты смертельно пугаешь его, — чеканя каждый слог, ответила Линда. — Ты пугаешь нас обоих.

Спустя двадцать минут Линда заперлась изнутри в ванной комнате на втором этаже.

Резкий свет встроенных потолочных ламп больно ударил по уставшим глазам. Она повернула хромированный кран, подставила сложенные лодочкой ладони под тугую струю ледяной воды и с силой плеснула ею в лицо. Холодные капли потекли по щекам, смешиваясь с так и не выплаканными до конца слезами.

Женщина тяжело оперлась обеими руками о края раковины и подняла прямой взгляд на большое зеркало.

Оттуда на нее смотрело совершенно чужое, постаревшее лицо. Заострившиеся, обтянутые бледной кожей скулы, потухшие глаза с красными прожилками, глубокие скорбные складки у уголков губ. Непереносимое горе вытягивало из нее саму жизнь по капле, превращая в высохшую, пустую оболочку.

Но самое страшное скрывалось не в изменившейся внешности.

В абсолютной, звенящей тишине ванной комнаты Линда призналась себе в том, о чем панически боялась сказать вслух на кухне. Какая-то тайная часть ее души — темная, древняя, первобытная часть — была полностью согласна с каждым словом Тео.

Где-то очень глубоко внутри нее тоже тлел горячий уголек слепой, не рассуждающей ярости. Когда она закрывала глаза в попытках уснуть, ей искренне хотелось причинить физическую боль родителям убийцы. Хотелось, чтобы они корчились от страданий, чтобы кричали от бессилия точно так же, как кричала она сама. Ей хотелось стереть сам факт их существования, растоптать их благополучные жизни в справедливую отмстку за отнятое будущее Клэр.

Это было абсолютно естественное, животное желание кровавой мести.

Линда пристально смотрела в свои собственные глаза, наблюдая, как этот темный, пугающий огонь на мгновение вспыхивает в расширенных зрачках.

Но она видела и обратную сторону этой медали. Перед мысленным взором стояли окровавленные костяшки мужа и разбитые вдребезги приборы в гараже. Она помнила чистый, неподдельный ужас в глазах Кая, когда тот слушал отцовские проклятия о пулях в лоб и расстрелах.

Ненависть не способна вернуть Клэр. Она лишь безжалостно сожрет то небольшое, что еще осталось от их разрушенной семьи. Если позволить этой злобе укорениться и расти, она неминуемо превратит Тео в одержимого монстра, а Кая — в сломанного, травмированного невротика, живущего в вечном ожидании новой беды. Этот путь вел в глухой тупик. Он обещал им лишь выжженное пепелище, на котором Харрисонам придется доживать свои дни в изоляции и прогрессирующем безумии.

Крупная капля воды сорвалась с подбородка и с тихим плеском разбилась о белый фаянс раковины.

Нужно было срочно найти другой выход. Ради психики Кая. Ради спасения рассудка мужа. Линда медленно выпрямилась, сняла с крючка пушистое махровое полотенце и насухо вытерла лицо. Решение, пока еще смутное, опасное и пугающее своей непредсказуемостью, начало обретать форму в ее воспаленном сознании.

Глава 4. Дом на окраине

Металлический щелчок велосипедной цепи донесся со стороны заднего двора, пробиваясь сквозь неплотно прикрытую кухонную раму. За ним последовал тихий, ободряющий голос Тео. Муж перевернул горный велосипед Кая вверх колесами и теперь методично прокручивал педали, пытаясь настроить сбившийся переключатель скоростей. Заднее колесо мерно жужжало, разрезая густую тишину осеннего утра. Это было первое осмысленное, созидательное

действие Тео за последние несколько дней. Попытка вернуть сыну хотя бы крошечный фрагмент нормальной жизни, починить то, что еще поддавалось ремонту, пока всё остальное летело в пропасть.

Линда стояла в полумраке коридора, прислушиваясь к этим звукам. Ее пальцы крепко сжимали толстый, потрепанный корешок старого городского телефонного справочника. Тяжелая книга, изданная еще пять лет назад, нашлась на самой нижней полке в кладовой, под стопкой пыльных журналов и коробок с елочными игрушками. Желтые, пахнущие типографской краской и сыростью страницы тихо шелестели под ее руками.

Алфавитный указатель. Буква «Х».

Сотни имен сливались в сплошные серые колонки. Глаза женщины лихорадочно скользили по строчкам, выхватывая нужные фамилии. Харди. Харпер. Хендерсон. Хейс.

Их было несколько десятков в Миллфилде. Хейс, Алан. Хейс, Брайан. Хейс, Д. и Э.

Джеймс и Эмма.

Указательный палец Линды замер на строчке, напечатанной мелким рубленым шрифтом. Сикамор-лейн, 412. Это был тихий, уважаемый район на северо-западной окраине города, застроенный просторными домами в колониальном стиле. Место, где газоны всегда идеально подстрижены, а на подъездных дорожках блестят свежей краской семейные минивэны.

Она аккуратно, стараясь не издать ни звука, надорвала уголок страницы с адресом. Клочок бумаги обжег ладонь.

Вернув справочник на полку, Линда сняла с крючка свое серое шерстяное пальто. Движения были механическими, выверенными. Никаких записок. Никаких объяснений. Если Тео узнает, куда она направляется, он либо запрет ее в доме, либо пойдет с ней, и тогда последствия будут необратимыми. Его слепая ярость, с трудом сдерживаемая в присутствии Кая, вырвется наружу, сметая всё на своем пути. Ей нужно было сделать это самой. Нужно было посмотреть в глаза тем, кто воспитал убийцу, чтобы понять, как жить дальше.

Осторожно повернув замок входной двери, женщина выскользнула на крыльцо. Осенний воздух мгновенно забрался под тонкий свитер, заставив поежиться, но она не обратила на это внимания. Впереди лежал долгий путь.

Дорога до Сикамор-лейн занимала около сорока минут быстрым шагом. Линда намеренно не стала брать машину. Ей требовалось это время. Требовалось физическое усилие, чтобы пережечь адреналин, бурлящий в крови, и выстроить в голове четкую, безжалостную линию обвинения.

Тротуары Миллфилда казались непривычно пустыми. Город всё еще пребывал в состоянии глубокого шока, парализованный недавней трагедией. Редкие прохожие старались не смотреть друг другу в глаза, ускоряя шаг при встрече. На дверях многих магазинов и кафе висели таблички «Закрыто в знак скорби». В витрине местной аптеки кто-то выставил большой плакат с нарисованным от руки черным крестом и надписью «Миллфилд скорбит».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.